

МИХАИЛ ГИНЗБУРГ

РАЗБОЙНИКИ И ПАСТЬ ИНОГО

Михаил Гинзбург

Разбойники и пасть иного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71994862

SelfPub; 2025

Аннотация

Когда лес – твой дом, а закон – это ты.

Трое братьев и их сестра Лина – не просто разбойники, а почти семейное предприятие по добыче средств к существованию у доверчивых путников. Шутки, ловушки, вепри, стихи, провалы в портал – всё как обычно. Только вот один старик в капюшоне, одна неудачная засада, и реальность вокруг разрывается на клочки. За хрустом ветки может скрываться не только олень... но и межпространственная бездна.

Ироничное, яркое и стремительное фэнтези о том, как легко попасть в неприятности, если у тебя в отряде поэт, силач и слишком много самоуверенности.

Содержание

Глава 1. Утро пахнет сыростью и сталью	4
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Михаил Гинзбург

Разбойники и пасть иного

Глава 1. Утро пахнет сыростью и сталью

Тонкая веточка предательски хрустнула под чьим-то не в меру тяжелым ночным шагом где-то за невидимой чертой их временного пристанища, и Лина уже не спала – сидела на своем ложе из колкого лапника, пальцы инстинктивно сжимали холодную рукоять ножа. Сон, этот неверный союзник, улетучился прочь, словно спугнутый ястребом воробей. Ухо, натренированное годами на распознавание мириад лесных звуков, работало надежнее любого цепного пса. Мгновение, другое – мертвая тишина, если не считать размеренного, почти умиротворяющего посапывания братцев в промозглой темноте землянки. Значит, показалось. Или просто какой-нибудь шатун-полуночник из местного зверья решил сократить путь. Лина выскользнула наружу, в объятия стылой предутренней мглы, настолько плотной, что ее, казалось, можно было черпать пригоршнями. Следовало проверить западню на лисьей тропке – вчерашним вечером та показалась ей подозрительно безупречной.

Воздух был тяжел и студен, как ключевая вода в самый лютый день осени. Он источал сложный букет ароматов: въедливую сырость грибницы, горьковатый дух прелой листвы и что-то еще, почти неосязаемое – то ли испарения недалекого торфяника, то ли просто застарелую меланхолию этого дремучего, нелюдимого леса. Небосвод, наглухо задраенный свинцовым пологом низко нависших туч, и не думал обещать скорый восход. Мрак стоял такой, что хоть глаз выколи, но Лина, чьи зрачки давно адаптировались к подобному сумраку, без труда различала исполинские силуэты елей, застывших в карауле вечности, и узловатые сплетения орешника.

Их убежище – нора, выкопанная без особого усердия в откосе невысокого холма и тщательно укрытая сверху пластами дерна да ворохом еловых веток, – и впрямь было трудно заметить, даже зная, где искать. Рядом зияла черная проплешина давно испутившего дух костра. Над ним на треноге из трех кривых палок скорбно покачивался пустой котелок, словно жалуясь на свою незавидную участь.

Лина обошла их нехитрый лагерь по кругу, внимательно осматривая натянутые у самой земли тонкие веревки, увешанные сухими ветками – незамысловатые, но вполне рабочие сигнализаторы. Все было в порядке. Западня на лисьей тропе, как она и предполагала, оказалась нетронутой, лишь несколько свежих отпечатков крохотных лапок свидетельствовали о том, что ее потенциальная жертва, проявив недю-

жинную смекалку, предпочла обойти опасное место стороной. Пронырливая тварь.

Вернувшись к землянке, она на миг замерла у входа, вслушиваясь в разнокалиберное дыхание спящих братьев. Старший, Яр, спал почти беззвучно, устроившись на боку, но даже сквозь сон его рука не покидала верного топорщица. Бывший служивый, он и после долгих лет вольной лесной жизни не сумел изжить из себя эту вьевшуюся в каждую клетку тела привычку – быть готовым к бою в любую секунду. Даже если противником оказывался всего лишь дурной сон.

Средний, Бур, напротив, спал так, что стены их утлого жилища ходили ходуном. Его необъятное туловище занимало львиную долю пространства в землянке, а могучий храп, казалось, был способен распугать не только мелкую лесную живность, но и целую ватагу лесорубов, если бы таковые рискнули сунуться в их глухомань. Силы в нем таилось, как в добром медведе, а вот ума... Лина едва заметно скривила губы в усмешке. Сообразительности у Бура было примерно столько же, сколько у того самого медведя, да и то, если медведь был не в настроении. Впрочем, временами его чугунная голова и нечеловеческая силища оказывали им неоценимую услугу.

Младший, Квит, по обыкновению, забился в самый дальний и темный угол, стиснув в объятиях свою потрепанную заплечную суму, будто в ней скрывались несметные богатства какого-нибудь свергнутого короля. Он что-то невнятно

лопотал во сне, подергивая худой ногой. Лина была почти уверена, что помимо пары безнадежно тупых ножей и огня, в этой суме таилась его главная реликвия – замусоленная тетрадка с его потаенными рифмами. Одна лишь мысль об этих опусах вызывала у нее приступ внутреннего смеха, но она благоразумно держала это при себе. У каждого свои причуды, какими бы нелепыми они ни были.

Она примостилась на старом, замшелом пне у входа – своем обычном наблюдательном пункте. Предрассветная тишина была обманчива, как улыбка трактирщика, подсовывающего разбавленное пиво. Лес жил своей скрытой, напряженной жизнью, полной едва слышных шорохов, таинственных скрипов и затаившихся до поры до времени угроз. И они, четверо изгоев, были лишь крохотной, инородной частицей этого огромного, безразличного к их судьбам мира.

Ее взгляд зацепился за едва различимое шевеление у корней могучей сосны неподалеку. Мелкий, заморенный лисенок с куцым, будто обгрызенным хвостом, с опаской выглядывал из-за шершавого ствола. Глазки-бусинки горели нездоровым, голодным блеском. Лина невольно вспомнила о последнем каменном сухаре, позабытом в глубине ее кармана. Он был ее неприкосновенным запасом на случай совсем уж тощего дня. Помедлив лишь мгновение, она извлекла сухарь, отломила от него добрую половину и, стараясь не издать ни звука, положила на плоский камень в нескольких шагах от сосны. Затем так же неслышно отступила в густую

ть у входа в землянку. Лисенок еще немного покрутился на месте, но зов пустого желудка, очевидно, оказался сильнее врожденной осторожности. Короткий рывок – и он уже схватил драгоценную добычу, тут же растворившись в кустарнике. Лина едва слышно вздохнула. Что ж, по крайней мере, для кого-то это утро начнется не совсем уж паршиво.

Глава 2. Завтрак разбойника и братские подначки

Не успела Лина толком насладиться редким мгновением утреннего покоя, согретого крохотным, почти невесомым чувством правильно сделанного дела, как со стороны заросшего бурьяном оврага, что змеился неподалеку от их стоянки, донесся такой треск валежника, будто там медведь-шатун решил устроить себе полосу препятствий. Вслед за этим послышалось возмущенное, почти оскорбленное похрюкивание, а затем – глухой удар, словно кто-то весьма массивный с разбегу приложился лбом о толстенную сосну. Похоже, какой-то из лесных тяжеловесов решил начать свой день не с кофе, а с сотрясения мозга, и этот утренний тарарам неминуемо должен был выдернуть ее братьев из объятий Морфея, какими бы крепкими те ни были.

Предчувствия Лину не обманули. Из землянки тотчас донесся ответный рык, вполне способный конкурировать с кабаньим по части громкости и недовольства, а затем из темного провала, отряхиваясь и мотая головой, словно бык, отгоняющий слепней, вылез заспанный Бур. Его густая шеве-

люра, обычно напоминающая стог сена после хорошего урагана, сейчас была примята с одного бока и украшена хвоинками и сухими листьями. На могучей щеке алел живописный отпечаток коряги, служившей ему, очевидно, подушкой.

«Какого лешего там опятьстряслось?! – взревел он, вращая налитыми кровью от сна глазами и пытаясь сфокусировать взгляд. – Соседи опять мебель двигают спозаранку? Или Яр решил дрова рубить, не отходя от постели?»

«Из соседей у нас тут, кажется, только белки завелись, ну и вот этот беспокойный джентльмен пожаловал,» – спокойно произнесла Лина, кивнув подбородком в сторону оврага, откуда как раз, недовольно отфыркиваясь, выбирался здоровенный секач с парой клыков, способных вспахать небольшое поле. Зверь был явно не в духе после утреннего столкновения с твердыми породами дерева.

Секач издал еще одно сердитое хрюканье, словно выражая полное согласие с ее словами, и уставился на Бура маленькими, злыми глазками, в которых читался явный недостаток утреннего оптимизма.

«О! Смотрите-ка, свеженина сама в гости прется!» – лицо Бура мгновенно разгладилось, а сонное недовольство сменилось чисто гастрономическим воодушевлением. Он огляделся в поисках оружия, его взгляд упал на увесистую дубину, которую он обычно подкладывал под голову вместо валуна, и сграбастав ее, уже приготовился ринуться навстречу потенциальному завтраку.

«Попридержи коней, голова твоя бездонная!» – шикнул на него Яр, появляясь из землянки почти бесшумно, как тень. В отличие от Бура, он был уже собран и одет, а в руке привычно покоился его верный топор. Его взгляд хищника мгновенно оценил диспозицию. «Этот экземпляр не из тех, кто ищет дружбы».

И действительно, секач, оценив количество и качество двуногих созданий, решил, видимо, что утренняя встреча с деревом была достаточным приключением на сегодня. Он еще раз яростно хрюкнул, словно обещая вернуться с подкреплением, и, развернувшись, не слишком грациозно, но весьма проворно скрылся в чаще.

«Эх, такой окорок ушел!» – сокрушенно выдохнул Бур, провожая зверя тоскливым взглядом. «А я уж было размечтался...»

«Размечтался бы ты сейчас лежать под той сосной с распоротым брюхом, если бы Яр тебя не притормозил,» – заметила Лина, прыгивая со своего пня. «Нам сейчас только схватки с разъяренным вепрем не хватало для полного счастья. Да и визгу бы наделали на весь лес, всех лесничих бы сбежали».

Последним из землянки, потягиваясь до хруста в костях и зевая так, что, казалось, мог проглотить небольшую птицу, выбрался Квит. Его физиономия выражала вселенскую скорбь по поводу грубо прерванного сна и утраченных поэтических образов.

«Ну что за варварские побудки? – проскрипел он. – Я как

раз сочинял балладу о падении древней цитадели, а тут такой аккомпанемент... будто цитадель падает прямо на мою голову».

«Цитаделью сейчас будешь ты, если не прекратишь ныть и не поможешь Яру с костром,» – проворчал Бур, чье гастрономическое разочарование еще не улеглось. Он пнул ближайший камень. «Вечно у нас так – как только нормальная еда на горизонте, так сразу либо Яр со своими предосторожностями, либо Лина с ее планами...»

«Если бы не мои планы и Ярова осторожность, ты бы давно уже украшал чью-нибудь коллекцию черепов, Бур, – отрезала Лина. – Или был бы главным блюдом на пиру у таких вот секачей».

«Может, из меня и вышло бы неплохое жаркое, – не сдавался Бур, – зато сытное!»

«Особенно та часть, где у тебя обычно должны быть мозги, но их там отродясь не водилось,» – не удержался от шпильки Квит, поправляя свою неизменную сумку, в которой, по слухам, он хранил не только стихи, но и коллекцию особо живописных мухоморов.

«А ну, иди сюда, рифмоплет блохастый, я тебе сейчас покажу, где у меня мозги!» – Бур уже разворачивался к младшему, готовый к очередной воспитательной процедуре.

«Так, оба угомонились, орлы! – голос Лины не был громким, но в нем прозвучали нотки, заставившие даже Бура замереть. – Бур, будь любезен, освежи свою физиономию у ру-

чья, а то от тебя несет, как от берлоги медведя-шатуну после зимней спячки. Квит, живо помоги Яру развести огонь, не то сегодня на завтрак у нас будут исключительно твои вдохновенные вздохи».

«А есть хоть какая-то надежда на что-то более материальное, о, предводительница нашего оголодавшего племени?» – с театральным трагизмом осведомился Квит, но к костру все же поспешил.

Лина выразительно посмотрела на пустой котелок, сиротливо висящий над холодным кострищем. «Надежда, мой юный сочинитель, умирает последней. Обычно сразу после ее обладателя, если тот вовремя не подсуетится. Так что шевелитесь, если не хотите сегодня питаться исключительно солнечным светом и моими ценными указаниями».

Она решительно подошла к месту, где Яр уже колдовал над первыми искрами. Да, это утро, как и многие другие, начиналось с борьбы за выживание. И, судя по всему, скучным оно точно не обещало быть.

Глава 3. Шрамы Старшего

Костер, благодаря стараниям Яра и несколько менее осмысленным, но полным энтузиазма действиям Квита, наконец, перестал капризничать и занялся робким, едва заметным пламенем. Он нехотя облизывал подсунутые ему сыроватые ветки, больше дымя, чем давая жар, но это было уже кое-что. Лина присела на поваленный ствол старой ели, по-

крытый бархатистым зеленым мхом, и принялась методично править лезвие своего охотничьего ножа о гладкий речной голыш. Утренний воздух все еще был по-осеннему свеж и влажен, туман нехотя отступал вглубь чащи, цепляясь полупрозрачными клочьями за низкорослый папоротник. Со стороны ручья, куда отправился Бур для совершения утреннего омовения, доносились энергичное фыркание и звуки, подозрительно напоминающие борьбу некрупного бегемота с бурным течением.

Квит, явно ощущая себя главным пиротехником утреннего костра, решил не останавливаться на достигнутом и продемонстрировать свою удаль в чем-нибудь еще. Он схватил суковатую палку, длиной и толщиной примерно с его собственную руку, и, вообразив себя, по меньшей мере, легендарным героем древних саг, принялся выписывать ею в воздухе сложные фигуры.

«Ха! Хи-я! Получай, презренный супостат!» – бормотал он себе под нос, подпрыгивая на месте и яростно молотя по воздуху. В пылу сражения с невидимым врагом он едва не угодил себе же палкой по лбу, отчего его боевой пыл несколько поулег.

Яр, до этого момента невозмутимо подкладываявший в костер щепу, медленно поднял голову. Его взгляд, обычно спокойный и непроницаемый, как поверхность лесного ому-та, на мгновение сфокусировался на воинственных упражнениях младшего брата. Затем, с той змеиной грацией, ко-

торая была присуща только ему, он выпрямился и сделал шаг к Квиту. Тот как раз снова вошел в раж и замахивался для сокрушительного удара по зарослям крапивы. Рука Яра мелькнула почти невидимым движением – не резкий выпад, а скорее легкое, направляющее касание. Палка, которую Квит сжимал с таким отчаянным усердием, выскользнула из его пальцев, словно намащенная, и, чиркнув по воздуху, воткнулась в мягкую землю у самых ног Лины. Квит застыл с полуоткрытым ртом, напоминая свежельвовленную рыбу.

«Хват не тот,» – голос Яра был лишен всякой окраски, тихий, почти безжизненный, но Квит почему-то втянул голову в плечи. «Слишком расслаблен. И центр тяжести уводишь. В настоящей драке тебе бы руку вывернули прежде, чем ты успел бы пикнуть. Или сам бы себя покалечил».

Он без усилий извлек палку из земли и несколькими скупыми, отточенными до совершенства движениями продемонстрировал, как следовало бы действовать. В его руках обычная лесина вдруг преобразилась, превратившись в продолжение его тела, в смертоносное и послушное оружие. Было в этих скупых жестах нечто завораживающе-пугающее – холодная, безжалостная эффективность машины для убийства.

Внезапно Яр замер на полудвижении. Его взгляд остекленел, уставившись куда-то вдаль, сквозь фигуру Квита, сквозь стволы деревьев, словно пронзая саму ткань времени. Лина увидела, как напряглись желваки на его скулах, а костяшки

пальцев, сжимавших палку, побелели. В его обычно таких спокойных глазах на долю секунды мелькнул отсвет чего-то древнего и жуткого – искаженные пламенем лица, лязг стали, безмолвные крики павших. Потом он резко, почти судорожно моргнул, и видение исчезло, оставив после себя лишь едва заметную рябь на поверхности его обычного спокойствия. Он молча протянул палку оторопевшему Квиту и так же безмолвно вернулся к своему занятию у костра.

«Ты... это... где ты так научился, а, Яр?» – с плохо скрываемым восхищением, смешанным с явной опаской, пробормотал Квит, благоразумно решив не возобновлять свои воинственные экзерсисы.

Яр аккуратно подправил одно из поленьев в костре. «Давно это было,» – глухо отозвался он, и в этой короткой фразе для Лины уместились целые тома нерассказанных историй. Историй о местах, где жизнь не стоила и ломаного гроша. О временах, когда каждый новый рассвет встречали с мыслью, что он может оказаться последним. О той невидимой грани, из-за которой возвращаются либо сломленными куклами, либо тенями, навсегда отмеченными печатью пережитого. Яр вернулся именно такой тенью – молчаливой, смертельно умелой и бесконечно усталой.

Лина отвела взгляд от широкой, напряженной спины старшего брата и снова принялась за свой нож, скребя им по камню с чуть большим ожесточением, чем требовалось. Она знала – все расспросы будут напрасны. Яр никогда не говорил о

своём прошлом, о службе в карательных отрядах какого-то мелкого князька на южных границах, о той последней бойне, из которой он чудом выбрался живым несколько лет назад. Вернулся один, с пустыми, выцветшими глазами, парой свежих рубцов на теле и одним огромным, кровоточащим шрамом где-то очень глубоко в душе. Но именно это темное прошлое выковало из него того, кем он был сейчас – их негласного стража, их последнюю надежду, ту нерушимую стену, о которую не раз разбивались все их беды. Пусть и стеной, испещренной глубокими, невидимыми трещинами.

С громким чавканьем, сопровождаемым не менее громким сопением, из-за кустов можжевельника наконец вывалился Бур. Мокрый с головы до ног, как вытащенный из реки бобр, перепачканный тиной, как лесной поросенок, но, судя по самодовольной физиономии, чрезвычайно гордый совершенным подвигом.

«Ну, вот и я, свеж и готов к новым свершениям! – громогласно объявил он, отряхиваясь и щедро орошая все вокруг мириадами ледяных брызг. – Чем порадуете, кроме как кислыми минами и попытками Квита изобразить из себя заправского рубаку?»

Тяжелое напряжение, на миг сгустившееся было над костром, мгновенно рассеялось, смытое его неиссякаемым жизнелюбием и полным отсутствием понимания момента. Яр остался невозмутим, лишь едва заметно повел плечом. Квит, оскорбленный до глубины души, надулся, как мыш

на крупу. Лина только устало покачала головой. Да, это утро, как и все предыдущие, развивалось по своему, давно заведенному сценарию.

Глава 4. План «Легкая добыча»

Бур, совершив свое триумфальное возвращение от ручья и избавившись, по его собственным заверениям, от «не менее чем пуда налипшей грязи и всякой речной нечисти», немедленно возопил о завтраке. Его гастрономический пыл, однако, заметно поутих при виде более чем скромных остатков вчерашней трапезы – нескольких сиротливо чернеющих на широком листе лопуха картофелин, испеченных прямо в золе.

«И это вы называете едой?! – прогрохотал он, с таким видом разглядывая предложенное угощение, будто ему подсунули тарелку с вареными пауками. – Да этим даже червяка не заморишь, не то что взрослого, полного сил мужчину!»

«Если будешь поменьше сотрясать воздух и побольше напрягать ту единственную извилину, что у тебя имеется, на предмет того, как этого самого червяка накормить, глядишь, и рацион наш станет поразнообразнее,» – невозмутимо заметила Лина, отламывая себе самый крохотный обугленный кусочек. «Вчерашняя наша экспедиция к тому зажиточному хутору, где куры, по слухам, разгуливали без всякого присмотра, обогатила нас ровно на ноль целых, ших десятых, если не считать основательно промоченной репутации Кви-

та, когда он, пытаясь изобразить из себя летучую мышь, свалился прямиком в бочку с помоями».

Квит, который в этот момент с видом заправского алхимика пытался раздуть едва тлеющие угли под котелком, вспыхнул до корней волос. «Я не изображал! Я проводил тактическую рекогносцировку местности! И вообще, там сторожевой пес был – натуральный волкодав, чуть меня самого на ремни не пустил!»

«Пес, который мирно спал в своей конуре и даже ухом не повел, пока ты, совершая свою тактическую рекогносцировку, не наступил ему на самое больное место – на хвост,» – уточнил Яр, не отрываясь от тщательной проверки состояния своего короткого, но тугого лука.

«Так, господа кладоискатели и покорители курятников, заканчиваем прения,» – Лина решительно хлопнула в ладоши, звук получился сухим и резким, как щелчок пастушьего кнута. «Пока наш уважаемый Бур не перешел на подножный корм в виде сосновой коры, у меня имеется одна свежая и, смею надеяться, плодотворная идея. Помните того пузатого торговца на гнедой кобыле, который дважды в неделю таскает провиант в пограничный форт у Чертова Перевала? Субъект обычно путешествует в гордом одиночестве, навьюченный всякой снедью под завязку, и, по моим наблюдениям, имеет скверную привычку клевать носом в седле. Сегодня как раз его день».

«А, этот толстопуз! – немедленно оживился Бур. – Как же,

помню! Он еще так забавно икает, когда его кобыла спотыкается на ухабах! Такого мы в два счета распотрошим!»

«Распотрошим, если ты не начнешь голосить «Грабь, братва!» еще за версту до его появления,» – устало вздохнула Лина. «План предлагается следующий, простой, как мычание коровы: Яр, твоя позиция – у того старого, молнией разбитого дуба, где дорога делает крутой изгиб. Как только наш клиент поравняется с тобой, выпускаешь стрелу так, чтобы она воткнулась в землю прямо перед мордой его кобылы. Не в кобылу, Бур, я повторяю для особо одаренных, не в кобылу, а перед ней! Чтобы животное встало на дыбы от неожиданности. Квит, твоя задача – в тот же момент выскочить с противоположной стороны дороги и произвести как можно больше акустического эффекта: вопи, трещи своей шаманской трещоткой, можешь даже продекламировать ему отрывок из своих последних творений, если они достаточно ужасны, чтобы напугать бывалого торговца. Пока он будет пытаться утихомирить взбесившуюся лошадь и сообразить, с какой стороны на него обрушилась целая орда лесных демонов, мы с Буром берем его в тиски. Бур, ты отвечаешь за то, чтобы он покинул седло. Максимально деликатно! Нам нужен он в добром здравии и способный указать, где у него припрятаны самые лакомые мешки. Я беру на себя лошадь и сохранность груза. Вопросы есть?»

«Вопросов нет, есть предложение! – рявкнул Бур, с энтузиазмом ударяя себя кулачищем в могучую грудь. – Я его

так аккуратно спешу, он и ахнуть не успеет! А можно я его для верности своей новой дубинкой приласкаю? Она у меня знатная, увесистая!»

«Никаких дубинок, Бур! – строго отрезала Лина. – Нам не нужны лишние покойники на нашей территории и последующие визиты разъяренных стражников. Работаем быстро, четко и по возможности бесшумно. Насколько это вообще осуществимо с тобой в одной команде».

«А ну как он дюже борзый окажется, сопротивляться станет?» – не унимался Бур, явно разочарованный запретом на применение дубинки.

«Тогда Яр поможет ему обрести душевное равновесие. Но до этого желательно не доводить. Меньше пролитой крови – чище совесть и меньше хлопот с уборкой».

Спустя час, который ушел на сборы и дорогу, они уже заняли позиции. Лесная дорога, извивавшаяся причудливой змеей меж корявых стволов вековых сосен, была пустынна и тиха. Утреннее светило еще не набрало полную силу и лишь скупно процеживало свои лучи сквозь плотную хвою, создавая на земле капризную мозаику из света и тени. Воздух, неподвижный и прохладный, был густо настоян на ароматах смолы, влажной земли и чего-то неуловимо тревожного. Лина еще раз критическим взглядом окинула позиции. Яр, буквально растворившийся на фоне морщинистого ствола старого дуба, был практически неразличим. Квит, вооруженный своей устрашающей трещоткой, сделанной из бы-

чьего пузыря, набитого сухим горохом, нервно притоптывал в кустах можжевельника, поминутно оглядываясь. Сама Лина вместе с Буром укрылась за плотной стеной молодых, пушистых елочек.

«Запомни, Бур, – почти беззвучно прошептала она, – выскрываешь только по моему сигналу. И ни секундой раньше. И никаких воплей «Атас!»».

«Да понял я, понял,» – отмахнулся Бур, нетерпеливо переступая с ноги на ногу и производя при этом шум, как небольшой медведь. «Как только ты изобразишь раненую выпь...»

«Крик филина, Бур. Три отчетливых крика филина,» – с нечеловеческим терпением поправила Лина, чувствуя, как у нее начинает едва заметно подергиваться левое веко.

Ожидание тянулось медленно и нудно, как самая скучная проповедь деревенского священника. Наконец, откуда-то издалека донесся размеренный перестук копыт и ленивое поскрипывание немазанных колес. Лина вся подобралась. Вот он, их шанс на несколько дней не думать о том, где раздобыть еду. Вскоре из-за поворота показался и сам объект их промысла – весьма упитанный мужчина в добротном суконном кафтане, мирно покачивающийся на облучке небольшой, но ладно скроенной повозки, запряженной одним конем. Не гнедая кобыла, как предполагалось, а какой-то плешивый мерин неопределенной масти, да еще и повозка вместо одинокого всадника. План пришлось экстренно коррек-

тировать прямо на ходу.

«Повозка... это даже к лучшему,» – прошелестела она Бурю на ухо. «Меньше шансов, что добыча даст деру».

Когда повозка поравнялась с вековым дубом, из-за его ствола бесшумно вылетела стрела и с тихим стуком вонзилась в землю прямо перед мордой мерина. Тот испуганно всхрапнул и замер как вкопанный, прядая ушами. В тот же самый миг с противоположной стороны дороги раздался такой оглушительный треск, вой и грохот, будто там началась битва лесных гоблинов с болотными кикиморами. Это Квит вошел в роль.

«А-а-а-а! Покайся, грешник! Мы пришли забрать твою бrenную душу... и все остальное тоже!»

Возница подпрыгнул на облучке, как ошпаренный, испуганно вращая глазами. «Свят-свят-свят! Что за чертовщина?! Разбойники!»

«Время!» – коротко бросила Лина, и они с Буром одновременно выскочили из своего укрытия.

И вот тут Бур, как это с ним нередко бывало, решил внести в тщательно разработанный план элемент творческой импровизации. Вместо того чтобы, согласно последним коррективам, быстро и эффективно заблокировать возницу, он, издав боевой клич, от которого могли бы завянуть уши даже у бывшего пирата, с разбегу со всей своей богатырской дури врезался плечом... в заднее колесо повозки. Раздался оглушительный, тошнотворный хруст. Колесо, очевидно, не рас-

считанное на столкновение с объектом такой массы и скорости, с жалобным треском подломилось, и вся повозка угрожающе накренилась набок, едва не вывалив и без того перепуганного возницу на пыльную дорогу. Мешки с какой-то снедью градом посыпались на землю.

«Бур, чтоб тебя леший дрючком поучил!» – выдохнула Лина, с тоской наблюдая, как ее очередной гениальный план разваливается на части из-за неумной энергии среднего брата.

Возница, воспользовавшись возникшей суматохой, попытался было кулем скатиться с другой стороны повозки и дать стрекача в ближайшие кусты, но Яр, материализовавшийся из-за дуба с бесшумностью лесного духа, одним коротким и точным ударом обуха топора по его круглому затылку мягко уложил его на землю. Тихо, профессионально и без лишней суеты.

Пока Лина и подоспевший к ней Квит, отдуваясь и чертыхаясь, спешно собирали рассыпавшуюся по дороге добычу – в основном это оказались мешки с мукой, какой-то крупой и несколько аппетитно пахнущих копченых окороков, – Бур с видом побитой собаки ковырял носком своего стоптанного сапога останки несчастного колеса.

«Оно какое-то... трухлявое попалося,» – смущенно проворкотал он, избегая встречаться взглядом с сестрой. «Я ж вроде не со всей силы... так, слегонца...»

«Ты не слегонца, Бур, ты как обычно – от всей души, не

жалая живота своего,» – Лина с кряхтением взвалила на плечо тяжеленный мешок, из которого соблазнительно пахло свежей выпечкой. «Хорошо еще, Яр не растерялся и сработал чисто. Иначе бы мы сейчас по всему этому лесу гонялись за этим толстосумом, а он бы уже давно поднял на ноги всю местную стражу».

Квит, пыхтя под тяжестью двух внушительных окороков, не преминул вставить свои пять копеек: «Зато какой был выход! Я уж было подумал, он от одного твоего богатырского рыка душу богу отдаст, Бур. Мои стихи даже не пригодились для устрашения».

«Ладно, закончили концерт, – Лина критически оглядела собранную добычу. – Не так уж и плохо, учитывая обстоятельства. На пару-тройку дней сытой жизни хватит. Только в следующий раз, Бур, будь так любезен, если уж тебе непременно захочется что-нибудь сломать, ломай наших врагов, а не средства их транспортировки. Так оно для общего дела полезнее будет».

Они быстро и бесшумно растворились в лесной чаще, оставив позади сиротливо застывшую на дороге повозку с подломленным колесом и ее крепко спящего, но, к счастью, живого хозяина. Утро, начавшееся довольно тревожно, определенно переставало быть томным и уже обещало вполне сносный и, главное, обильный обед.

Добыча, хоть и доставшаяся с некоторыми незапланированными приключениями и поломкой чужого имущества, оказалась на удивление неплохой. Несколько дней можно было не думать о хлебе насущном, а точнее, о его отсутствии. Бур, после того как его желудок был наконец удовлетворен щедрой порцией жареного мяса и каши с остатками подливки, впал в благодушное состояние и даже пытался изобразить нечто вроде помощи Яру в починке их ветхого шалаша, что, впрочем, привело лишь к еще большим разрушениям. Квит, вдохновленный недавними событиями и сытым брюхом, уединился со своей заветной тетрадкой где-то в зарослях дикой малины, откуда время от времени доносилось его сосредоточенное бормотание и редкие, но весьма экспрессивные восклицания, видимо, знаменующие рождение очередного поэтического шедевра.

Лина же, вопреки общей расслабленной атмосфере, не находила себе места. Обычная после удачного дела эйфория почему-то не наступала. Вместо этого где-то глубоко внутри шевелилось холодное, липкое предчувствие, похожее на прикосновение паука в темноте. Она снова и снова прокручивала в голове детали их последнего «предприятия», пытаясь понять, что именно ее так тревожит. Все прошло относительно гладко, если не считать бурной инициативы Бура. Возница был обезврежен профессионально, добыча взята, следы замечены. Но что-то было не так. Какая-то мелкая, почти неразличимая деталь ускользала от ее внимания,

оставляя после себя горький привкус беспокойства.

«Ты чего такая хмурая, сестренка? – Яр, закончивший латать дыру в крыше, присел рядом с ней на поваленное дерево. – Добыча хорошая, все сыты. Чего еще желать?»

Лина пожала плечами. «Сама не знаю. Просто... ощущение какое-то паршивое. Будто мы что-то упустили. Или будто за нами кто-то наблюдает». Она поежилась, хотя день был на удивление теплым для этого времени года. Солнце, пробившись сквозь облака, щедро заливало поляну золотистым светом, но ей все равно было зябко.

«Лес всегда наблюдает,» – философски заметил Яр, строгая ножом тонкую веточку. «Привыкай. Здесь у каждого дерева есть глаза, у каждого камня – уши».

«Это я знаю, – отмахнулась Лина. – Тут другое. Будто... будто мы слишком легко отделались. Или это затишье перед чем-то похуже».

Разговор прервал Квит, вынырнувший из малинника с горящими глазами и перепачканным в ягодном соке ртом.

«Лина, Яр! Я только что слышал! Там, у старого тракта, двое каких-то оборванцев трепались! Про старика какого-то!»

«Какого еще старика?» – насторожилась Лина. Предчувствие неприятно шевельнулось внутри.

«Да черт его знает! – Квит возбужденно размахивал руками. – Говорили, мол, едет один, на старой кляче, с виду – божий одуванчик, а при себе, якобы, возит то ли казну ка-

кую-то карликовую, то ли камень волшебный, от всех болезней лечащий. И будто бы он сегодня как раз должен мимо наших краев проезжать, к Ведьминому болоту путь держит».

«Камень от всех болезней? – хмыкнул Яр. – Если бы такие камни существовали, аптекари бы давно по миру пошли с сумой».

«А вдруг правда? – глаза Бура, который как раз закончил изображать бурную деятельность и теперь с интересом прислушивался к разговору, загорелись нездоровым блеском. – Представляете, такой камень – и нам! Никаких тебе больше шишек набитых, никаких отравлений прошлогодними грибами!»

«Или казна, – мечтательно добавил Квит. – Мы бы тогда зажили! Купили бы себе... ну, не знаю... целый трактир! И ели бы там каждый день до отвала!»

Лина молчала, обдумывая услышанное. Старик. Один. С ценным грузом. И снова это мерзкое, сосущее чувство под ложечкой. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Слишком похоже на приманку в мышеловке.

«А что еще эти оборванцы говорили? – спросила она Квита. – Как он выглядит, этот старик? Есть ли у него охрана, хоть какая-нибудь?»

Квит наморщил лоб, вспоминая. «Да вроде ничего такого... Сказали, старый, как пень трухлявый, борода седая до пояса, на голове – смешной колпак. И едет на такой же древней колымаге, что и он сам. Про охрану ни слова не было.

Наоборот, напирали на то, что он один-одинешенек, и взять его – раз плюнуть».

«Раз плюнуть, говоришь...» – задумчиво протянула Лина. Ее взгляд остановился на пустеющих мешках из-под муки. Добыча от толстого торговца, конечно, была неплохой, но она не будет вечной. А зима не за горами. Искушение было велико. Слишком велико.

«Я думаю, стоит проверить, – сказала она наконец, больше для себя, чем для остальных. – Просто проверить. Издалека. Если там действительно что-то нечисто, мы всегда успеем уйти».

«Вот это по-нашему! – обрадовался Бур. – Я уж думал, мы так и будем тут киснуть до скончания века!»

Яр ничего не сказал, лишь коротко кивнул, но Лина заметила, как его пальцы привычно легли на рукоять топора. Он тоже чувствовал, что это дело пахнет не так просто, как кажется.

Предчувствие беды не отпускало Лину, оно становилось все сильнее, превращаясь в холодный ком в груди. Но колесо уже было запущено. И остановить его она уже не могла. Или не хотела.

Глава 6. Засада у старой дороги

Решение было принято, хоть и с тяжелым сердцем со стороны Лины. Сборы были недолгими – взять с собой особо было нечего, кроме оружия да пустых мешков в надежде на

богатую добычу. Она в последний раз окинула взглядом их неказистое лесное убежище, и какая-то непонятная тоска на мгновение сдавила ей грудь. Словно она прощалась с чем-то важным, хотя и не могла понять, с чем именно.

Место для засады выбрали тщательно. Старая, заброшенная дорога, которой уже мало кто пользовался, кроме контрабандистов да таких вот отчаянных одиночек, как их предполагаемая жертва, делала здесь крутой изгиб, огибая густые заросли орешника и выходя на небольшой, поросший редким кустарником пустырь. С одной стороны дорогу подпирала крутая, почти отвесная глинистая круча, с другой – стеной стоял мрачный еловый лес, откуда в любой момент можно было незаметно появиться и так же незаметно исчезнуть. Идеальное место. Почти.

Погода начала портиться еще с полудня. Небо, до этого радовавшее редким солнцем, затянулось плотной серой хмарью, из которой начал накрапывать мелкий, противный дождь. Воздух стал тяжелым и влажным, запахло мокрой землей и гниющей листвой. Лес притих, словно в ожидании чего-то недоброго. Даже птицы смолкли. Лишь ветер тоскливо завывал в верхушках елей, раскачивая их, будто пытаюсь вырвать с корнем.

«Ну и погодка, – проворчал Бур, ежась под тонкими струйками дождя, которые уже успели промочить его куртку до нитки. – Самое то для встречи с нечистой силой. Может, этот ваш старик и есть какой-нибудь лесной колдун?»

«Если он колдун, Бур, то тебе первому не поздоровится, – съязвил Квит, кутаясь в свой дырявый плащ. – Он тебя в жабу превратит. Будешь потом по болотам скакать да мух ловить».

«В жабу так в жабу, – неожиданно философски отозвался Бур. – Зато сыт буду. Мух тут, поди, больше, чем в нашей землянке еды».

«Цыц, оба, – шикнула на них Лина. – Услышит еще. Яр, ты как, готов?»

Старший брат, который уже успел выбрать себе позицию на вершине глинистой кручи, откуда ему как на ладони была видна вся дорога, лишь молча кивнул. Его фигура, распластавшаяся на мокрой земле, почти сливалась с окружающим пейзажем. Лук лежал перед ним, стрела уже была наложена на тетиву.

Лина еще раз проверила их диспозицию. Яр сверху, прикрывает и подает сигнал. Они с Буром – в засаде у самой дороги, в густых кустах орешника. Квит – чуть поодаль, с другой стороны, его задача – отрезать старику путь к отступлению и создать панику, если что-то пойдет не так. План был прост, как три копейки, но именно в этой простоте и крылась его надежность. Обычно.

Время тянулось мучительно медленно. Дождь то усиливался, превращаясь в настоящий ливень, то снова стихал, оставляя после себя лишь промозглую сырость и тяжелые, свинцовые капли, падающие с мокрых веток. Лина чувство-

вала, как ее собственное напряжение нарастает с каждой минутой. Предчувствие беды, которое не отпускало ее с самого утра, теперь превратилось в тугой, холодный узел где-то в солнечном сплетении. Она пыталась отогнать его, сосредоточиться на деталях засады, на возможных вариантах развития событий, но непрощеная тревога возвращалась снова и снова, навязчивая, как болотный комар.

«Идет...» – едва слышный шепот Яра, донесшийся сверху, заставил всех встрепенуться.

Лина замерла, превратившись в слух. И действительно, сквозь шум дождя и вой ветра до нее донесся далекий, едва различимый скрип колес и мерное цоканье копыт. Они приближались. Сердце забилося чаще. Она крепче сжала рукоять своего короткого меча, чувствуя, как холодеют ладони. Бур рядом возбужденно засопел, его огромные кулаки нетерпеливо сжимались и разжимались. Даже Квит, казалось, забыл о своем обычном позерстве и теперь выглядел серьезным и сосредоточенным, как никогда.

Скрип становился все громче, отчетливее. Вот из-за поворота показалась старая, раздолбанная повозка, запряженная такой же древней, как сама повозка, плешивой клячей. На облучке, сгорбившись под дождем и укутавшись в какой-то темный, бесформенный балахон с глубоким капюшоном, сидела одинокая фигура. Старик.

Он ехал медленно, не торопясь, словно совершал обычную прогулку, а не пробирался по заброшенной дороге в са-

мый разгар непогоды. Что-то в его невозмутимом спокойствии, в этой отрешенной медлительности было неестественным, пугающим.

Лина почувствовала, как по спине пробежал холодок.

«Готовься,» – прошептала она Буру, и тот хищно оскалился.

Ловушка захлопнулась.

Глава 7. Портал

Повозка медленно втянулась в узкий проход между глинистой кручей и стеной ельника, где ее уже поджидали. В тот момент, когда голова клячи поравнялась с большим валуном, служившим Лине ориентиром, она подала условный знак. Яр, затаившийся на вершине обрыва, плавно натянул тетиву. Короткая стрела с тяжелым наконечником сорвалась с древка с сухим щелчком и, просвистев в воздухе, вонзилась в мокрую землю прямо перед носом перепуганной лошади. Кляча испуганно всхрапнула, зашаталась и встала как вкопанная, прядая ушами.

«А ну, стоять, дед! Кошелек или жизнь, как говорится!» – рявкнул Бур, выскакивая из своего укрытия в орешнике с такой стремительностью, что брызги грязи полетели во все стороны. Он выглядел внушительно и устрашающе, размахивая своей увесистой дубиной.

Одновременно с ним с другой стороны дороги, из чащи ельника, с диким гиканьем и треском выскочил Квит, во-

оруженный длинным шестом. Он принялся скакать вокруг повозки, колотя шестом по земле и издавая звуки, которые должны были, по его мнению, деморализовать противника.

«Сдавайся, старый колдун! Твои чары здесь не помогут! Мы – лесные мстители, гроза богатеев и защитники угнетенных... белок!»

Лина, с обнаженным мечом в руке, вышла на дорогу последней, замыкая кольцо окружения. Она внимательно следила за стариком, ожидая любой реакции – страха, попытки к бегству, мольбы о пощаде.

Но старик оставался невозмутим. Он даже не шелохнулся. Его лицо по-прежнему скрывал глубокий капюшон, из-под которого виднелась лишь седая, спутанная борода, доходившая ему почти до пояса. Он сидел прямо, не обращая никакого внимания ни на Бура с его дубиной, ни на воинственные пляски Квита, ни на Лину с ее мечом. Казалось, вся эта суматоха его нисколько не трогала.

«Эй, дед, ты что, оглох?» – Бур, раздосадованный отсутствием реакции, подошел ближе и угрожающе помахал дубиной перед самым носом старика. «Говорю, выкладывай все ценное, что у тебя есть, и можешь катиться на все четыре стороны. А не то...»

И тут старик медленно, очень медленно поднял голову. Лина не видела его глаз, скрытых в тени капюшона, но почувствовала, как по коже пробежал мороз. В воздухе что-то изменилось. Он стал плотнее, тяжелее, заряженным какой-то

непонятной, зловещей энергией. Даже дождь, казалось, на мгновение перестал идти.

«А не то – что?» – раздался из-под капюшона голос. Тихий, скрипучий, как немазаная дверь старого сарая, но в нем была такая скрытая сила, такая ледяная насмешка, что у Бурра отвисла челюсть, а Квит замер на полуслове, забыв про свои «устрашающие» маневры.

Старик медленно поднял руку – костлявую, с длинными, узловатыми пальцами, похожими на сухие ветки. На одном из пальцев тускло блеснул простой перстень с темным, непрозрачным камнем.

«Вы пришли за моими сокровищами, дети мои?» – продолжал он все тем же скрипучим голосом. «Что ж, я покажу вам сокровище. Такое, какого вы еще не видели».

Он что-то прошептал себе под нос – слова на незнакомом, гортанном языке, от которых у Лины заломило в висках. Воздух вокруг старика начал вибрировать, словно раскаленный над костром. Перстень на его пальце вспыхнул тусклым, багровым светом.

«Что за...» – начал было Бурр, но не договорил.

Прямо перед повозкой, там, где только что была сырая, раскисшая от дождя земля, пространство начало искажаться, словно кто-то невидимый раздвигал плотную завесу. Сначала появилась едва заметная рябь, потом – мерцающее, переливающееся всеми цветами радуги пятно, которое стремительно росло, превращаясь в зияющий провал, в дыру, ве-

душую в неизвестность. Из этой дыры пахло чем-то чужим, нездешним – смесью озона, серы и еще какого-то тошнотворного, сладковатого запаха.

Это был портал. Настоящий, мать его, портал, словно сошедший со страниц самых бредовых сказок.

«Берегись!» – крикнул Яр сверху, но было уже поздно.

Портал разверзся во всю ширь, и из него ударила невидимая сила, мощная, как ураганный ветер. Кляча жалобно заржала и попятилась, едва не опрокинув повозку. Квита, стоявшего ближе всех, сбilo с ног и швырнуло на землю, как тряпичную куклу. Бур, выставив вперед свою дубину, пытался устоять на ногах, но его медленно, неумолимо тащило к мерцающей дыре.

Лина почувствовала, как ее волосы встали дыбом. Дикий, первобытный ужас сковал ее тело. Она хотела бежать, но ноги словно приросли к земле. Она видела, как старик в повозке медленно поворачивается к ней, и в прорезях капюшона на мгновение блеснули два красных огонька, похожих на раскаленные угли.

«Добро пожаловать... в мой мир,» – проскрипел он.

И в следующий миг повозка вместе со стариком и несчастной клячей плавно въехала в портал и исчезла в его переливающемся мареве.

Глава 8. Затянутые в Хаос

Едва повозка со стариком скрылась в ненасытной, перели-

вающейся всеми цветами безумия глотке портала, как невидимая сила, исходящая из него, многократно усилилась. Она обрушилась на них не просто ветром, а тугим, почти осязаемым потоком, который срывал листья с деревьев, гнул молодые ели до самой земли и выл в ушах так, что казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Земля под ногами задрожала, словно в преддверии землетрясения.

«Держись!» – истошно заорала Лина, пытаясь перекричать рев вихря, но ее голос потонул в этом хаосе звуков. Она видела, как Бур, отчаянно рыча и упираясь ногами в раскисшую землю, медленно, сантиметр за сантиметром, сползает к зияющему провалу. Его дубина давно вылетела из рук и исчезла в мерцающей мгле.

«Яр!» – Лина подняла голову. Старший брат все еще был на вершине обрыва, но и его положение было незавидным. Он распластался на земле, пытаясь зацепиться за корни какого-то чахлого кустарника, но его тоже неумолимо тащило вниз, к краю пропасти.

Квит, которого первым сбило с ног, катался по земле, как осенний лист, тщетно пытаясь ухватиться хоть за что-нибудь. Его обычно насмешливое лицо было искажено ужасом.

Лина поняла – еще немного, и их всех засосет в эту дьявольскую воронку. Инстинкт самосохранения, отточенный годами борьбы за жизнь, взвыл в ней сиреной. Она развернулась, чтобы бежать, но было уже слишком поздно. Мощный рывок едва не вырвал ей ноги из сапог, ее тело оторвалось

от земли и полетело по воздуху прямо к порталу.

Мир вокруг превратился в безумный калейдоскоп. Цвета смешивались, звуки искажались до неузнаваемости, запахи обрушивались на нее со всех сторон – тошнотворно-сладкие, едко-кислые, металлически-холодные. Время, казалось, то растягивалось до бесконечности, то сжималось в одно неуловимое мгновение. Она видела искаженные ужасом лица братьев, мелькавшие где-то рядом в этом вихре, слышала их отчаянные крики, которые тут же тонули в реве стихии.

Ее тело крутило и швыряло, как щепку в водовороте. В какой-то момент она почувствовала резкую, обжигающую боль в плече, словно ее ударило чем-то тяжелым. Потом – ледяной холод, сменившийся нестерпимым жаром. Сознание начало меркнуть. Последнее, что она запомнила перед тем, как провалиться в спасительное небытие, был пронзительный, почти человеческий вопль боли, принадлежавший, кажется, Буру, и ощущение стремительного, бесконечного падения в бездонную, переливающуюся всеми цветами радуги пропасть.

Их родной лес, с его привычными запахами сырости и хвои, с его мрачной, но такой знакомой красотой, исчез, словно его никогда и не было. Остался только хаос, боль и леденящий душу ужас перед неизвестностью, куда их несла эта неумолимая, чужеродная сила. Они были всего лишь песчинками, захваченными гигантским космическим пылесосом, и никто не знал, куда и в каком виде их выплюнет на другой стороне. Если вообще выплюнет.

Глава 9. Приземление в Нигде

Возвращение в реальность было резким и болезненным, словно ее с размаху швырнули о каменный пол. Лина открыла глаза и тут же зашлась в приступе кашля – воздух был сухим, горячим и каким-то пыльным, от него першило в горле и слезились глаза. Голова гудела, как растревоженный улей, а все тело ломало так, будто по ней проехал груженный воз. С трудом перевернувшись на бок, она попыталась сесть.

Первое, что она увидела, заставило ее забыть о боли. Они находились в каком-то огромном, тускло освещенном пространстве, похожем на гигантскую пещеру или внутренности какого-то исполинского существа. Вместо привычного лесного сумрака здесь царил странный, багрово-фиолетовый полумрак, источник которого был непонятен – казалось, светился сам воздух или скалы причудливой формы, нависавшие со всех сторон. Под ногами была не мягкая лесная подстилка, а твердая, потрескавшаяся поверхность, похожая на застывшую лаву или спекшийся камень, усыпанная мелкой, острой крошкой.

Растений здесь не было. Вообще никаких. Только голые, изъеденные временем скалы, вздымающиеся к невидимому потолку, и редкие, уродливые наросты, напоминающие то ли окаменевшие грибы, то ли кораллы болезненного, синюшного цвета. Воздух был неподвижен и тяжел, пропитанный странным, незнакомым запахом – смесью серы, жженого

камня и чего-то еще, отдаленно напоминающего запах гниющего мяса. Тишина стояла почти абсолютная, нарушаемая лишь ее собственным прерывистым дыханием и тихим стоном, донесшимся откуда-то сбоку.

«Братья!» – хрипло позвала Лина, пытаясь подняться на ноги.

Она увидела их неподалеку. Яр лежал на спине, раскинув руки, его лицо было бледным, но он дышал ровно. Бур сидел, привалившись к одному из каменных наростов, и держался за голову, тихо постанывая. Квит лежал ничком, и Лина с ужасом подумала, что он... Но тут он шевельнулся и издал жалобный писк.

Она подползла сначала к Яру. Тот открыл глаза, взгляд был мутным, но осмысленным.

«Где... мы?» – едва слышно прошептал он.

«Не знаю, – Лина помогла ему сесть. – Но точно не в нашем лесу».

Бур, услышав их голоса, поднял голову. На его лбу красовалась внушительная ссадина.

«Что... это было? – он тупо огляделся. – Меня будто... бык на рога поднял и об стену приложил».

«Почти так и было, – кивнула Лина. – Только вместо быка был портал, а вместо стены – вот это... место».

Квит наконец перевернулся на спину и сел, испуганно озираясь.

«Я... я видел... цвета... и звезды... и... и огромный

глаз! – он заикался, его лицо было блее мела. – Мы что, умерли и попали в ад?»

«Если это ад, то он на удивление плохо обставлен,» – проворчала Лина, пытаясь унять дрожь в руках. «Ни котлов, ни чертей с вилами... Пока что».

Внезапно один из синюшных «кораллов» неподалеку от них едва заметно шевельнулся. Лина замерла, напряженно вглядываясь в полумрак. Нарост был размером с добрую тыкву, и теперь она видела, что его поверхность не гладкая, а покрыта какими-то мелкими отверстиями, похожими на поры. И из этих пор медленно, почти неохотно, выползало что-то тонкое, извивающееся, похожее на бледного червя или щупальце. Оно потянулось в их сторону, словно принюхиваясь. Затем еще одно, и еще. Через мгновение весь «коралл» зашевелился, выпуская десятки таких же мерзких отростков.

«Кажется, местная фауна решила с нами познакомиться,» – процедила Лина, медленно доставая меч. «И что-то мне подсказывает, что это знакомство не будет приятным».

Глава 10. Первый «Гость» и странные правила

Синюшный «коралл», или что бы это ни было, ожил окончательно. Десятки тонких, гибких щупалец, похожих на бледных, изголодавшихся змей, тянулись к ним из пористой поверхности нароста, извиваясь и подрагивая в багровом полумраке. Они не издавали ни звука, но в их медленном, целенаправленном движении было что-то невыразимо жуткое.

«Назад!» – скомандовала Лина, поднимаясь на ноги и выставляя вперед меч. Ее голос прозвучал на удивление твердо, хотя сердце колотилось где-то в горле. «Яр, Бур, Квит – ко мне! Не дайте этой дряни себя коснуться!»

Братья, еще не до конца оправившиеся от шока «приземления», с трудом поднялись. Яр молча встал рядом с сестрой, его топор выглядел надежно и привычно в его руке. Бур, все еще потирая ушибленную голову, схватил первый попавшийся камень – увесистый обломок скалы – и занял позицию чуть позади, больше от растерянности, чем от тактического расчета. Квит, бледный и дрожащий, спрятался за широкой спиной Бура, вооруженный лишь своим страхом и, возможно, парой особо ядовитых эпитетов, которые он пока не решился произнести вслух.

Щупальца приблизились. Лина видела, как на их концах открываются крошечные, похожие на присоски рты, усеянные игольчатыми зубками. Одно из них метнулось к ее ноге с неожиданной для такой аморфной твари проворностью. Лина отскочила, взмахнув мечом. Лезвие чиркнуло по щупальцу, оставив на нем неглубокий порез, из которого брызнула густая, почти черная жидкость с отвратительным запахом тухлой рыбы. Щупальце на мгновение съежилось, но тут же с новой силой устремилось к ней.

«Они... они не боятся!» – выдохнул Квит из-за спины Бура.

«Тогда заставим их бояться!» – рявкнул Бур и с яростным

ревом швырнул свой камень в центр шевелящегося «коралла». Камень попал точно в цель. Раздался мерзкий, чавкающий звук, и нарост содрогнулся, выпустив еще больше щупалец. Несколько из них оказались перебиты или раздавлены, но остальные, казалось, только разъярились.

«Бур, идиот!» – крикнула Лина. «Ты их только разозлил!»

Яр действовал без лишних слов. Он методично, с той холодной эффективностью, которая не раз спасала им жизнь, отсекал подбирающиеся к ним щупальца. Его топор мелькал в багровом сумраке, оставляя за собой черные брызги и отрубленные, продолжающие извиваться сегменты. Но тварь была на удивление живучей, а щупалец у нее, казалось, было бесконечное множество.

Лина отбила очередную атаку, чувствуя, как начинают уставать руки. Эти отростки были не только быстрыми, но и на удивление сильными – один из них обхватил ее меч, и ей стоило немалых усилий, чтобы высвободить лезвие. Она заметила странность: тварь атаковала их по очереди, словно пробуя на зуб каждого. Сначала ее, потом Яра, потом переключилась на Бура, который отмахивался от мерзких отростков с упорством и яростью носорога, но без особой меткости. Квита, прячущегося за ним, они пока игнорировали.

«Они... они будто изучают нас!» – промелькнула у Лины догадка. Эта мысль была настолько дикой, что она сначала отогнала ее, но чем дольше продолжалась схватка, тем больше она убеждалась в своей правоте. Атаки не были хао-

тичными. Они были избирательными, почти методичными. Каждое щупальце, прежде чем атаковать, на мгновение замирало, словно сканируя их.

«Яр, бей по основанию!» – крикнула она, пытаясь нащупать уязвимое место твари. «Может, оно там, где эта штука крепится к скале!»

Пока Яр и Бур отвлекали на себя основную массу щупалец, Лина, рискуя получить удар, подскочила ближе к «кораллу». Она увидела, что у его основания, там, где он срастался с камнем, пульсирует что-то вроде желвака или утолщения. Не раздумывая, она со всей силы вонзила туда свой меч.

Раздался пронзительный, почти ультразвуковой визг, от которого заложило уши. Все щупальца разом дернулись и обмякли, словно из них выпустили воздух. Черная жидкость хлынула из пробоины, заливая камень. «Коралл» задержался в предсмертных конвульсиях и через мгновение затих, превратившись в бесформенную, дурно пахнущую массу.

Несколько секунд все стояли молча, тяжело дыша и пытаясь прийти в себя.

«Что... это... было?» – наконец выдавил из себя Квит, опасливо выглядывая из-за Бура.

«Наш первый местный житель, – мрачно ответила Лина, вытирая меч о ближайший камень. – И что-то мне подсказывает, что он здесь не один такой гостеприимный».

Она посмотрела на останки твари, и неприятное чувство

снова шевельнулось внутри. Нечто в поведении этого существа – его избирательность, его методичность – не укладывалось в привычные рамки поведения дикого зверя. Словно это была не просто атака, а... проверка. Тест.

«Нам нужно уходить отсюда, – сказала она, осматривая их унылое пристанище. – И как можно скорее. Пока к нам не пожаловали другие «гости»».

Она еще не знала, насколько была права, и что этот первый бой был лишь началом длинной череды странных, пугающих и зачастую смертельно опасных «правил» этого нового, чужого мира.

Глава 11. Шепот из прошлого

Оставив позади смрадные останки первого «гостеприимного хозяина» этого проклятого места, Лина повела братьев прочь из тускло освещенной пещеры, служившей им невольным приютом. Единственный выход, который им удалось отыскать – узкая, почти незаметная расщелина в дальнем конце пещеры – вывел их в еще более странное и тревожное место.

Это был своего рода каньон, но не из обычного камня. Стены его, уходившие отвесно вверх и терявшиеся в багровом сумраке, казалось, были вылеплены из застывшей, стекловидной массы какого-то неизвестного минерала, переливавшегося всеми оттенками больного заката – от грязно-пурпурного до ядовито-оранжевого. Под ногами хрустела мел-

кая крошка этого же материала, а воздух был неподвижен и сух, с тем же едва уловимым привкусом озона и чего-то неуловимо чужеродного. Тишина здесь была почти абсолютной, если не считать их собственных шагов и сбитого дыхания.

«Куда ни глянь – везде красота неопиcуемая,» – проворчал Бур, с опаской косясь на нависающие над ними причудливые скалы. «Одно другого краше. Я уж почти скучаю по нашему болоту с его лягушками и пиявками».

«Тише ты, – шикнула на него Лина. – Неизвестно, кто или что еще может обитать в этих... декорациях».

Она не случайно употребила это слово. Чем дальше они шли по извилистому дну каньона, тем сильнее в ней крепло ощущение искусственности, какой-то чудовищной постановки. Скалы, хоть и выглядели хаотичным нагромождением, местами образовывали слишком уж правильные арки или ниши, словно их специально вырезали или вырастили. А некоторые из стекловидных образований на стенах...

«Постойте-ка,» – Лина резко остановилась, указывая на одну из стен. «Вам это ничего не напоминает?»

На пурпурной поверхности скалы, среди хаотичных наплывов и застывших пузырей, смутно угадывался силуэт. Искаженный, словно отражение в кривом зеркале, но все же...

«Старый дуб у Медвежьего ручья,» – глухо произнес Яр, который тоже заметил это. «Тот, что молнией расколело по-

полам».

Лина кивнула. Это было невероятно, но сходство было поразительным. Она подошла ближе, коснулась холодной, гладкой поверхности. Никакого обмана зрения. Кто-то или что-то с пугающей точностью воспроизвело здесь фрагмент их родного леса.

«Может, просто похоже?» – с сомнением протянул Квит, но в его голосе не было уверенности. Он тоже узнал этот дуб. Они не раз прятались под его раскидистыми ветвями.

Они пошли дальше, и чем глубже они забирались в каньон, тем больше таких «знакомых незнакомцев» им встречалось. Вот скала, своими очертаниями до жути напоминающая заброшенную мельницу на реке Ирге, где они однажды устроили засаду на богатого мельника. А вот группа сталагмитов, похожих на скрюченные фигуры тех самых разбойников, с которыми они не поделили добычу прошлой весной, и которых Яру пришлось успокаить своим топором.

Каждая такая «скульптура» была искажена, деформирована, словно пропущена через большое воображение безумного художника, но узнаваема. И от этого узнавания по спине бежали мурашки.

«Они... они знают, откуда мы,» – прошептал Квит, его лицо стало совсем бледным. «Они знают о нас все».

«Или пытаются заставить нас так думать,» – возразила Лина, хотя ее собственный голос звучал не слишком уверенно. Это было уже не просто предположение. Это была целе-

направленная психологическая атака. Кто-то играл с ними, вытаскивая на свет их воспоминания, их прошлое, их страхи.

Внезапно Бур остановился как вкопанный и принюхался.

«Чуете? – он тревожно повел носом. – Пахнет... пахнет дымом. И... жареным мясом!»

Все замерли, прислушиваясь. И действительно, откуда-то спереди, из-за очередного изгиба каньона, донесся едва уловимый запах костра и чего-то съестного.

«Может, там люди?» – с надеждой предположил Квит.

«Или очередная ловушка,» – мрачно отозвалась Лина. Ее сердце учащенно забилось. После всего увиденного она уже не верила в простые совпадения. Но запах жареного мяса был слишком соблазнителен для их изголодавшихся желудков.

«Осторожно,» – скомандовала она. «Я пойду первой. Вы – за мной, на расстоянии. И будьте готовы ко всему».

Она крепче сжала рукоять меча и медленно двинулась вперед, к источнику запаха, чувствуя, как невидимые глаза наблюдают за каждым ее шагом, и как прошлое, которое она так старалась оставить позади, теперь дышит ей в затылок в этом кошмарном, искаженном мире.

Глава 12. Зов Костра и Призрачный Смех

Запах дыма и жареного мяса становился все отчетливее, щекоча ноздри и вызывая предательское урчание в пустых

желудках. Лина двигалась медленно и осторожно, стараясь не производить лишнего шума, хотя под ногами то и дело хрустела предательская стекловидная крошка. Братья следовали за ней на некотором расстоянии, Яр – как всегда, собранный и готовый к бою, Бур – с выражением алчной надежды на лице, а Квит – с опаской, но явным любопытством.

За очередным изгибом каньона им открылась небольшая, почти круглая площадка, словно специально выдолбленная в скальной породе. В центре ее весело потрескивал костер, сложенный из каких-то странных, почти не дымящих веток, которые горели ровным синеватым пламенем. Над огнем, на вертеле из толстого прута, аппетитно шкворчал и истекал жиром внушительный кусок какого-то темного мяса, распространяя вокруг умопомрачительный аромат.

А рядом с костром, спиной к ним, сидела одинокая фигура.

Это был мужчина, судя по широким плечам и копне спутанных темных волос. Он был одет в какие-то лохмотья, отдаленно напоминающие одежду, и, казалось, был полностью поглощен созерцанием огня и приготовлением пищи. Он не оборачивался, не издавал ни звука, лишь время от времени лениво подправлял вертел.

Лина замерла, подав братьям знак остановиться. Ловушка? Приманка? Или, может быть, такой же «гость», как и они? Слишком уж все это было... нарочито. Словно декорации к спектаклю, где им отведена роль зрителей или следу-

ющих актеров.

«Эй, мил человек!» – не выдержал Бур, его голос прозвучал слишком громко в этой звенящей тишине. «Не найдется ли у тебя уголька для заблудших путников? А то мы тут, понимаешь, с самого утра...»

Фигура у костра не шелохнулась.

«Бур, заткнись!» – прошипела Лина, но было поздно.

Мужчина медленно, очень медленно повернул голову. И Лина почувствовала, как ледяной холодок пробежал у нее по спине. Лицо незнакомца было бледным, почти восковым, с глубоко запавшими глазами, в которых не было ни малейшего проблеска разума. Пустые, незрячие глазницы, устремленные куда-то сквозь них. А на губах застыла жуткая, неестественная улыбка, обнажавшая слишком длинные и острые зубы.

Это был не человек. Или уже не человек.

«Добро пожаловать... к нашему скромному... ужину,» – проскрипел он голосом, похожим на скрежет ржавого железа. Улыбка его стала еще шире, еще кошмарнее.

И в тот же миг мясо на вертеле зашипело громче, из него повалил густой, черный дым с тошнотворным сладковатым запахом, который они уже чувствовали в портале. А сам кусок... он начал меняться, деформироваться, оплывать, словно был сделан не из плоти, а из какого-то темного воска.

«Что за...» – начал было Яр, инстинктивно поднимая топор.

Но тут незнакомец издал тихий, булькающий смешок. И этот смех, казалось, отразился от стекловидных стен каньона, многократно усиливаясь, превращаясь в хохот сотен невидимых голосов – издевательский, безумный, пробирающий до самых костей. Смеялись скалы, смеялся багровый сумрак, смеялся сам воздух.

У Лины закружилась голова. Это было слишком. Слишком много для одного дня. Она видела, как Бур отшатнулся, его лицо из алчно-радостного превратилось в испуганно-недоумевающее. Квит что-то пискнул и попытался спрятаться за брата, но тот сам был не в лучшем состоянии.

Фигура у костра медленно поднялась во весь рост. Она оказалась на удивление высокой и тощей, почти скелетообразной. Лохмотья едва прикрывали кости, обтянутые серой, пергаментной кожей.

«Вы... вы ведь голодны, не так ли?» – проскрежетал он, делая шаг в их сторону. «Присоединяйтесь... У нас на всех хватит...»

Мясо на вертеле окончательно потеряло всякую форму, превратившись в бесформенную, пузырящуюся массу, из которой теперь торчали какие-то острые, костяные отростки.

«Это иллюзия! Обман!» – крикнула Лина, пытаясь пересилить нарастающую панику и тошноту. «Не смотрите на него! Этого нет!»

Но даже ее собственный голос звучал неуверенно. Слишком уж реальным был этот кошмар, слишком осязаемым был

этот смрад, слишком пронзительным был этот призрачный смех, который, казалось, проникал прямо в мозг.

И тут она заметила еще кое-что. В тех местах, где смех ударялся о стены каньона, на стекловидной поверхности на мгновение проступали какие-то символы, похожие на руны или иероглифы, вспыхивающие и тут же гаснущие. Словно кто-то невидимый писал огненные письма на этих проклятых скалах.

«Правила...» – прошептала она. «Они показывают нам правила... или испытывают нас на прочность...»

Но времени на размышления не было. Жуткая фигура уже приближалась к ним, протягивая свои костлявые руки, а издевательский смех становился все громче, все невыносимее.

Глава 13. Танец Марионеток

Жуткая фигура с неестественной улыбкой и пустыми глазами двигалась на них медленно, но неотвратно, словно оживший кошмар из детских страшилок. Ее костлявые пальцы подрагивали, а из горла вырывались тихие, булькающие звуки, которые в сочетании с разносящимся по каньону издевательским хохотом создавали совершенно невыносимую какофонию. Мясо на вертеле продолжало мутировать, превращаясь в нечто отвратительное и шевелящееся.

«Не подпускайте его!» – голос Яра прозвучал резко, как удар хлыста, выводя Лину и остальных из оцепенения. Он первым шагнул навстречу твари, выставив перед собой то-

пор.

«Я ему сейчас покажу, как гостей пугать!» – взревел Бур, преодолевая первоначальный ступор. Он подобрал с земли увесистый обломок стекловидной породы и с размаху швырнул его в приближающегося монстра. Камень угодил тому прямо в грудь с глухим стуком, но тварь, казалось, даже не заметила этого. Она лишь на мгновение покачнулась, но продолжила свое медленное наступление.

«Оно... оно не чувствует боли!» – с ужасом пролепетал Квит, который все еще пытался укрыться за спиной Бура, но теперь с любопытством патологоанатома выглядывал из-за его плеча.

«Бей по ногам! По рукам! Нужно его остановить!» – крикнула Лина, пытаясь найти уязвимое место у этого ходячего пугала. Она бросилась наперерез, целясь мечом в тощую, обтянутую серой кожей ногу. Меч прошел насквозь, почти не встретив сопротивления, словно она проткнула мешок с трухой. Тварь снова покачнулась, но не упала. Из раны не брызнула кровь, лишь посыпалась какая-то темная пыль.

«Что за чертовщина?!» – выругался Бур, нанося еще один удар своей импровизированной дубиной. Эффект был тот же.

Яр действовал расчетливее. Он не пытался нанести существу серьезный урон, понимая, что это, похоже, бесполезно. Вместо этого он бил по суставам, стараясь лишить тварь подвижности. Один точный удар топора – и костлявая рука

монстра неестественно вывернулась, повиснув плетью. Другой удар – и одна из ног подломилась. Тварь рухнула на одно колено, но ее жуткая улыбка не исчезла, а пустые глазницы по-прежнему были устремлены на них.

И тут смех, до этого момента заполнявший весь каньон, резко оборвался. Наступила оглушительная тишина, нарушаемая лишь их тяжелым дыханием и тихим скрежетом, который издавала поверженная тварь, пытаясь подняться.

Лина заметила, что огненные символы на стенах, вспыхивавшие в такт смеху, тоже погасли.

«Кажется... мы что-то сделали правильно,» – неуверенно предположила она, не опуская меча.

Но ее слова потонули в новом звуке. Это был не смех. Это был тихий, едва уловимый шепот, исходивший, казалось, отовсюду и ниоткуда одновременно. Шепот на том же незнакомом, гортанном языке, который она слышала от старика у портала. И вместе с этим шепотом изменилось и поведение поверженной твари.

Она перестала пытаться подняться. Вместо этого ее конечности начали двигаться сами по себе, дергаясь и изгибаясь в неестественных позах, словно ее тело было марионеткой, а невидимый кукловод дергал за ниточки. Ее голова поворачивалась из стороны в сторону, улыбка то исчезала, то снова появлялась на ее лице. Это было похоже на какой-то жуткий, изломанный танец.

«Что... что происходит?» – Квит выглядел так, будто его

ВОТ-ВОТ СТОШНИТ.

«Я не знаю... – Лина чувствовала, как по спине снова бегут мурашки. – Но мне это совсем не нравится».

И тут она увидела, как из стены каньона, прямо из твердой стекловидной породы, медленно, словно прорастая, появляются новые фигуры. Две. Три. Пять. Они были точь-в-точь как первая тварь – такие же тощие, серые, с пустыми глазницами и застывшими улыбками. Они двигались так же медленно, но их было больше. И все они, выйдя из стен, начали исполнять тот же самый дерганый, марионеточный танец, медленно окружая их.

Шепот усилился, превращаясь в монотонный, гипнотический гул.

«Их... их слишком много!» – Бур отступил на шаг, его обычная самоуверенность испарилась без следа.

«Это не бой... – прошептала Лина, ее мозг лихорадочно искал выход. – Это какой-то... ритуал. Или представление. И мы в нем – главные зрители. Или жертвы».

Она посмотрела на Яра. Тот стоял неподвижно, его лицо было непроницаемо, как всегда, но в его глазах она увидела то же понимание, что и у нее. Просто силой здесь не победить. Это была игра по чужим правилам, и эти правила им только предстояло разгадать. Если, конечно, им дадут на это время.

Танцующие марионетки сжимали кольцо. Их движения становились все быстрее, все более резкими и агрессивными.

ми. И жуткая улыбка на их лицах, казалось, становилась все шире.

Глава 14. Неожиданный союзник и цена тишины

Кольцо жутких, дергающихся марионеток сжималось медленно, но неотвратно. Их застывшие улыбки и пустые глазницы действовали на нервы хуже любого боевого клича. Монотонный шепот, казалось, проникал под кожу, вызывая тошноту и головокружение. Лина понимала, что простая схватка здесь бессмысленна – на место одной поверженной твари тут же встанут две новые. Нужно было что-то другое. Какой-то нестандартный ход.

«Квит! – ее голос прозвучал неожиданно громко в этом гипнотическом гуле. – Твои стихи! Читай!»

«Что?! – Квит уставился на нее так, словно она предложила ему станцевать на углях. – Сестра, ты в своем уме? Какие стихи?! Они же нас сейчас...»

«Читай, я сказала! – рявкнула Лина, отбивая мечом костлявую руку, метнувшуюся к ее лицу. – Что угодно! Самое страшное, самое заунывное, самое... бездарное, что у тебя есть! Может, они от скуки сохнут!»

Эта отчаянная идея пришла ей в голову внезапно. Если этот мир реагирует на эмоции, на творчество, как она смутно начала подозревать после «оживших» скал, то, может быть, и это представление можно как-то нарушить?

Квит побледнел еще сильнее, если это вообще было воз-

можно, но в его глазах мелькнул огонек отчаяния, смешанного с какой-то странной, почти безумной решимостью. Он судорожно сглотнул, зажмурился и, запинаясь, начал декламировать:

«Во тьме бездонной, где луны незримый лик,
Застыл навеки скорбный, леденящий крик...

И тени прошлого, сплетаясь в жуткий пляс...»

Его голос дрожал и срывался, стихи были, откровенно говоря, не ахти – полные банальных метафор и вымученных рифм, но в них было столько искреннего, неподдельного ужаса и отчаяния самого Квита, что это, казалось, произвело какой-то эффект.

Танцующие марионетки на мгновение замерли. Шепот, наполнявший каньон, словно споткнулся, его ритм сбился. Одна из тварей, стоявшая ближе всех к Квиту, медленно повернула к нему голову, и в ее пустых глазницах, как показалось Лине, мелькнул проблеск чего-то похожего на... замешательство?

«Сильней! – крикнула Лина, видя эту перемену. – Громче!»

Квит, воодушевленный этим неожиданным эффектом, набрал побольше воздуха и заголосил с новой силой, уже не обращая внимания ни на смысл, ни на рифму, выплескивая весь свой страх и отвращение в этих неуклюжих строках:

«...И черепа на кольях скалят вечный смех,

А в жилах стынет кровь, и душу гложет грех!

О, безысходности безрадостный приют,
Где даже черви дохлых мертвецов не ждут!»

Это было ужасно. Настолько ужасно, что даже Бур, отмахивавшийся от марионеток обломком скалы, замер и с уважением посмотрел на младшего брата.

И тут произошло нечто невероятное. Марионетки остановились окончательно. Их дерганные движения прекратились. Они просто стояли, как сломанные куклы, их головы были по-прежнему повернуты к Квиту. А потом одна за другой они начали рассыпаться в прах. Просто осыпались на стекловидную землю темной, безжизненной пылью, оставляя после себя лишь едва уловимый запах серы.

Шепот стих. В каньоне снова воцарилась тишина, на этот раз – почти оглушающая после всего этого звукового безумия.

«Получилось...» – прошептал Квит, не веря своим ушам и глазам. Он стоял, покачиваясь, совершенно опустошенный, но с выражением гордости на чумазом лице. «Мои стихи... они их убили!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.